Е.Ю. Бондаренко*

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОСПИТАНИЮ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Статья посвящена политике коммунистической обработки японских военнопленных в лагерях советского Дальнего Востока в послевоенные годы. Автор рассматривает основные методы политического прессинга, которому подвергались военнопленные в советских лагерях, анализирует деятельность специальных «школ коммунизма», в которых велась идеологическая обработка пленных. Методологической основой исследования является теория поведения человека в плену, разработанная современными российскими историками, юристами и психологами.

Ключевые слова: японские военнопленные, Дальний Восток, коммунистическая идеология, идеологическая обработка, антивоенная пропаганда, репатриация

Soviet indoctrination of Japanese war prisoners in the Russian Far East in the post-Second World War period. ELENA Yu. BONDARENKO (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to the policy of the Communist indoctrination of Japanese prisoners of war in the camps of the Soviet Far East during the post-war years. The author examines the main methods of political pressure on the prisoners of war in Soviet camps, analyzes the activities of special “schools of communism” that carried the task of communist indoctrination. The methodological basis of the study is the theory of human behavior in captivity, developed by modern Russian historians, lawyers, and psychologists.

Keywords: Japanese prisoners of war, Soviet Far East, communist ideology, indoctrination, anti-war propaganda, repatriation

Система подавления любого инакомыслия и насильственное насаждение коммунистической идеологии, характерные для политического режима, сложившегося в СССР после Октябрьской революции, стали в послевоенное время неотъемлемой частью идеологического воспитания японских пленных в советских лагерях. Такая политика была необходима советскому правительству для того, чтобы в разрушенной войной,

ослабшей Японии укрепить роль Коммунистической партии и попытаться построить там социализм с помощью «пятой колонны», состоявшей из бывших репатриантов, присланных из СССР.

С этой целью в течение послевоенных лет десятки тысяч японских военнопленных, принудительно работавших на советских предприятиях, подвергались усиленному идеологическому перевоспитанию.

* БОНДАРЕНКО Елена Юрьевна, доктор исторических наук, научный сотрудник Лаборатории социального проектирования и прогнозирования Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: plen02.09.1954@mail.ru

© Бондаренко Е.Ю., 2017

29 августа 1946 г. вышел приказ №00165 Управления МВД СССР по Хабаровскому краю «Об итогах двухнедельных сборов начальников отделений и инструкторов по антифашистской работе лагерей военнопленных УМВД Хабаровского края». В приказе отмечалась большая работа по организации политического воспитания военнопленных: «Актив под руководством антифашистских работников систематически проводит работу среди военнопленных по разъяснению лживой вражеской пропаганды о Советском Союзе и воспитанию японских солдат и офицеров в духе дружбы и симпатии к Советскому Союзу, в результате чего в политико-моральном состоянии военнопленных произошли серьезные изменения в сторону демократизации» [1, с. 81-82]. Надо сказать, что «демократизация» и производные от нее слова в лагерях военнопленных понимались как лояльное настроение к СССР.

В ряде лагерей советского Дальнего Востока существовали специальные «школы коммунизма» для идеологической обработки военнопленных, которую проводили советские политработники и коммунистически настроенные японцы из числа самих пленных. В таких политических школах, называемых иногда «антифашистскими комитетами», японцев обучали истории ВКП(б), а также принципам устройства советского государства и понятию диктатуры пролетариата. Большое внимание уделялось изучению Конституции СССР, статей Ленина и Сталина, биографий советских вождей. Параллельно проводилось систематическое вытравливание из памяти военнопленных традиций и обычаев японского народа, высмеивание и отрицание веры и церкви, воспитание у пленных неприятия всех политических систем, кроме советской.

Специальные школы для перевоспитания японцев подразделялись на молодежные, смешанные и школы для среднего поколения, что подразумевало специфику обучения в каждом виде школ. Идеологическая обработка велась в большинстве лагерей 2-3 раз в неделю, иногда ежедневно. В ход шли клеветнические измышления о жизни за рубежом, цитировались отрывки из книг США и Японии, сфабрикованные советскими пропагандистами на вымышленных фактах, такие, как «Город без солнечного света», «Несчастливая жизнь работницы фабрики» и т.д. (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 440. Л. 8).

Как свидетельствовали репатрианты, вернувшиеся в Японию в конце 1940-х гг., пропаганда среди японцев в советских лагерях шла полным ходом. Наиболее мощный центр по идеологической переподготовке военнопленных находился в Находке. Здесь в 1946 г. для молодых репатриантов, собравшихся со всего СССР перед отправкой на родину, было организовано общество «Новая японская молодежная лига». Общество вело коммунистическую пропаганду среди отъезжающей молодежи. Его активисты, состоявшие из советских политработников и некоторых политизированных японцев, которых в среде военнопленных называли «оппортунистами», обучали отъезжающих пению революционных песен, коммунистическим «речевкам», а также брали с репатриантов подписку об их обязательном вступлении в ряды Коммунистической партии Японии (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 440. Л. 8).

Представляют интерес личности японских «пропагандистов». Как правило, это была небольшая прослойка военнопленных, которые, по словам их соотечественников, «вовсе не были коммунистами, а присоединились к советским политработникам только потому, что за пропагандистскую работу им давали новое военное обмундирование, регулярную зарплату и обещали репатриировать после двух месяцев такой службы» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 436. Л. 74).

Как свидетельствовали вернувшиеся из плена, «японские пропагандисты были очень заносчивы и вели себя подобно военным офицерам, обращаясь с репатриантами, как со своими подчиненными» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 436. Л. 74).

По свидетельству самих военнопленных, наиболее активная кампания по идеологизации японцев началась в лагерях в марте 1946 г. К этому времени японцы в полной мере почувствовали все тяготы жизни в плену, в том числе суровую дальневосточную зиму, недостаток питания. Многие были сломлены психологически и не верили в возможное возвращение домой. В такой обстановке советская идеологическая обработка стала быстро давать результаты. На Дальнем Востоке наиболее крупные центры идеологической обработки пленных функционировали в Биробиджане, Хабаровске, Биракане, поселках Хор и Вяземском (Хабаровский край), Комсомольске-на-Амуре, Магадане, Находке, поселке Посьет Приморского края, Уссурийске, Владивостоке, Южно-Сахалинске [2, с. 56].

Формы и методы идеологической работы в лагерях не отличались разнообразием, зато ох-

ватывали большое число военнопленных. Большое значение политорганы в лагерях придавали созданию «демократических бригад». Так, в лагере №18 Комсомольска-на-Амуре в 1947 г. «из лучшей части военнопленных» были организованы демократические бригады. К концу 1947 г. их насчитывалось 181 с числом работающих 2 258 чел. [1, с. 82]. В 1948 г. в том же лагере №18 взводами, ротами и батальонами командовали рядовые, входившие в избранные военнопленными комитеты. Офицеры от руководства были отстранены.

В лагере №21 (г. Николаевск-на-Амуре) были открыты специальные курсы по подготовке демократов-антифашистов из числа рядовых военнопленных. Характерно, что подготовка «специалистов» проводилась с отрывом от основной работы, поэтому желающих учиться на данных курсах было всегда более чем достаточно.

В то время, как все японские военнопленные обязаны были проходить программу идеологической подготовки, некоторые из них, наиболее способные к перевоспитанию, направлялись в важнейшие центры подготовки идеологических работников из числа военнопленных. Один из них находился в Хабаровске. Надо сказать, что в Хабаровском крае в послевоенные годы работали 3 специальные школы идеологической подготовки военнопленных: Демократическая школа (Минсю Гакко), Молодежная школа (Сэ-йнин Гакко) и Политическая школа (Сэйдзи Гакко) [2, с. 55].

В политической школе, созданной в июле 1947 г., изучалась коммунистическая идеология. Посещение было добровольным. Контингент слушателей ограничивался 30 военнопленными. Существовал возрастной и образовательный ценз – учиться в ней могли лишь те, кто закончил в Японии как минимум среднюю школу. Учеба продолжалась 3 месяца. В течение этого времени японцам читались курсы по международному положению, современному состоянию японо-советских отношений, марксистско-ленинская теория.

В молодежной школе предлагались эти же предметы, однако подготовка здесь была более интенсивной. Возраст учащихся ограничивался 25 годами, они пользовались некоторой свободой – им даже разрешалось жить в отдельных бараках. Выпускники этой школы направлялись инструкторами в лагерь военнопленных. Сами японцы считали, что из этой и подобной ей школ «выходили фанатические приверженцы коммунистического режима. Молодые ру-

ководители и ораторы были заражены вирусом коммунистического фанатизма, и это делало их потенциально опасными». Идеологической обработке молодежи в лагерях уделялось особое внимание. Американское разведывательное управление сделало следующий вывод по этому поводу: «Советы хотели бы использовать специально подготовленную молодежь в Японии в будущем...». [2, с. 56].

Для идеологической обработки японских военнопленных в лагерях применялись методы, получившие распространение в советской действительности. Широко пропагандировалось трудовое соревнование, военнопленные проводили митинги по случаю советских праздников и т.д. Так, в лагере №22 (г. Оха) за 1946 г. с военнопленными была проведена следующая идеологическая работа:

- проведено лекций и докладов о преимуществе социалистического строя – 153;
- индивидуальные беседы – 70 с охватом – 110 чел;
- производственные совещания с бригадами – 54;
- политинформация – 160 с охватом – 64 тыс. чел;
- собрания – 42;
- выпущено стенгазет – 173;
- выпущено художественно-литературных журналов – 6;
- проведено концертов – 18 с охватом – 4800 чел;
- просмотрено сеансов кино – 86;
- отправлено писем на родину – 1 993 [2, с. 56].

По данным демократических комитетов лагеря, число антифашистов среди военнопленных возросло со 140 чел. до 438 чел. в 1947 г. С этим активом было проведено 104 совещания (политкурсы). В 1946 г. в лагере были также созданы кружки по изучению истории ВКП(б) и основ марксизма-ленинизма.

Для усиления действенности пропагандистской работы в лагерях существовали оперативно-чекистские отделы. Такой отдел также активно действовал в лагере №22 (г. Оха). Формирование агентурно-осведомительной сети из военнопленных отдел начал с вербовки 3 чел. в марте 1946 г. Всего же в первом квартале 1946 г. было завербовано 14 японцев, во втором – 15, в третьем – 5. На начало 1947 г. в лагере №2 насчитывалось уже 44 агента. Работа агентов была направлена на «выявление фашистско-реакционных элементов, шпионов, диверсантов,

саботажников и лиц, которые своими действиями сопротивлялись в трудовом использовании». Для выявления «врагов» среди пленных в лагере систематически проводились обыски. В 1945 г. их было проведено 13, в 1946 – 46, в 1947 – 37 и в 1948 г. – 11. Уменьшение количества обысков было связано с репатриацией и последующим закрытием лагерных отделений [1, с. 82-83].

Нередко обыски давали повод для допросов и арестов военнопленных. Так, в лагере №5 (Ургальское месторождение) у военнопленного Сиедзавы Фукудзи отобрали блокнот с картой Хабаровского края, на которой была отмечена дислокация лагерей военнопленных с указанием количества японцев в каждом из них. В том же лагере у военнопленного Окамото Тузо был отобран бикфордов шнур и 3 инструкции на английском языке. Также неоднократно находили напильники, ножи для резки проволоки, мотки электропроводов, проволоки и т.д. Такие находки убеждали руководство лагеря в необходимости укрепления агентурной сети слежки за военнопленными. В частности, в лагере №21 г. Николаевск-на-Амуре служба слежения за военнопленными, кроме советского руководства лагеря, насчитывала 8 японских офицеров, 3 унтер-офицера, 11 солдат. У каждого агента был свой псевдоним – «Восток», «Тайга», «Амур», «Ночь» и т.д.

В задачи агентов входило выявление бывших работников управлений внутренних дел Японии, а также служащих полиции и жандармерии и вообще всех пленных, враждебно настроенных к СССР. Только за 1946 г. в лагере №21 таких было выявлено 105 чел.

Так, агент «Юрий» донес, что 1 января 1947 г. в помещении оздоровительной команды спецгоспитателя №878 военнопленный солдат Тонако Эйзи сказал в разговоре с другими японцами: «Японское правительство надо выгнать. Когда я приеду в Японию, буду большевиком. А если большевиков там не будет, буду уговаривать, чтобы стали большевиками» [1, с. 85].

Агентом были также отмечены слова солдата Мизусима Хороси: «Плохой город Николаев и плохой весь Советский Союз. Рабочие и крестьяне... живут беднее, чем японские крестьяне» [1, с. 85].

Наиболее способные агенты рекомендовались для возможного использования на стороне советской разведки и находились под пристальным вниманием оперативных органов. При переводе из одного лагеря в другой документы

агентов переправлялись в оперативно-чекистские отделы (ОЧО МВД) «для возможного использования на стороне советской разведки». Так, военнопленного офицера под псевдонимом «Рыбак», убывшего этапом из управления лагеря №21 в лагерь Комсомольска, сопровождало личное и рабочее дело №7/429 на внутрилагерного агента «...для его дальнейшего использования в...работе» [1, с. 85].

По словам репатриантов, такие пропагандисты хорошо зарабатывали у русских, но встречали сильную ненависть со стороны военнопленных. Несколько таких агентов были подвергнуты линчеванию со стороны репатриированных на корабле по дороге из бухты Находка в порт Майдзуру. Когда по приезду в Японию был произведен опрос репатриантов относительно их мнения о таких «агентах», большинство выразили желание запретить им возвращаться на родную землю (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 436. Л. 74).

Большие надежды возлагались органами МВД на издаваемую в Хабаровске на японском языке газету военнопленных «Ниппон Симбун» («Японская газета»), которая являлась важным элементом в системе идеологической обработки военнопленных. С началом интернирования в лагере №16 Хабаровска оказалось несколько военнопленных японских журналистов, которые вошли в состав первой редакции «Ниппон Симбун». Со стороны политорганов МВД газету курировали подполковник Греков и майор Козырев. Со временем газета стала настоящим политическим рупором. Общее руководство газетой осуществлял подполковник И.И. Коваленко. В редакции газеты работали японские журналисты Асахара Масаки (псевдоним Морото Фумио – главный редактор, Симадзу Суэтаро – ответственный за перевод, Ватанабэ Цунаки – ответственный за аналитические материалы. Позднее в газету пришли работать Тояма Хидзо и Кира Киносукэ. К тому времени заметно возросло журналистское мастерство авторов. Сама газета из двухполосной стала четырехполосной. Структура номера обычно выглядела следующим образом: редакционные статьи о положении СССР в мире, которые обычно перепечатывались по материалам ТАСС, «Правды», и «Известий». Вторая полоса содержала обзоры внутреннего положения Японии в период американской оккупации. Третья полоса также включала материалы из советских газет. На четвертой полосе помещались заметки о повседневной жизни ла-

герей военнопленных в СССР и на его Дальнем Востоке.

Первоначально «Ниппон симбун» являлась лишь возможностью информировать военнопленных о действиях советских властей, публиковать для них различные инструкции. Со временем газета разворачивает активную антиамериканскую пропаганду, которая к 1947 г. стала доминирующей. «Ниппон симбун» резко критиковала оккупационную политику США в Японии, пропагандировала советский образ жизни. Тогда же газета опубликовала серию антимилитаристских материалов, выдержанных в резком тоне. В них подчеркивалось, что император и военные круги Японии ответственны за то положение, в котором оказались десятки тысяч японских военнопленных в СССР. «Ниппон симбун» провозгласила: «Долой императорскую систему», «Уничтожить офицерские привилегии», «Улучшить жизнь нижних чинов». Эта идеологическая программа имела большой успех среди военнопленных, тем более, что она поощрялась лагерными властями. Военнопленные выходили из подчинения офицеров, им внушалось, что их соотечественники в Японии тоже должны освобождаться «от...военной тирании» [2, с. 57].

Антимилитаристская тема в газете преследовала и практические цели, поскольку именно через газету советские власти объяснили военнопленным задержку их репатриации «происками» американских оккупационных властей, которые якобы не выполняют своих обязательств по доставке кораблей для репатриантов. Таким образом советские власти подтверждали антинародную сущность политики американцев в Японии достоверными, на первый взгляд, фактами.

Военнопленным внушалось, что репатриация не является эффективным средством их спасения до тех пор, пока в Японии существует реакционное правительство, действующее совместно с американцами. Военнопленным также внушалось, что японскому правительству нельзя доверять, т.к. его цель – закабаление и эксплуатация бывших военнопленных.

Газета «Ниппон симбун» выпускалась в Хабаровске, а ее редакторы работали в тесном контакте с военнопленными-активистами. Хотя газета распространялась по многим лагерям военнопленных и была для японцев фактически единственным окном во внешний мир, отношение военнопленных к ней было неоднозначным. Так, военнопленный Хамасаки так отзывался о

«Ниппон симбун» и других газетах, которые распространялись в лагерях: «Газеты на японском языке мы получаем, но печатают их, конечно, не в Японии. В них пишут о Ленине, о выборах СССР, о советской демократии и разнице с японским парламентом. В этих газетах мало пишут правды...» [2, с. 59].

И все же большая часть японских военнопленных, находившихся в советском, в том числе дальневосточном плену, была насильственно обращена в коммунизм. «Наиболее слабой чертой японцев, особенно молодых, является слепое поклонение силе, – отмечали обозреватели японских газет. – От японцев, обученных подчиняться старшему со дня рождения, нельзя было ожидать, чтобы они изменили той дисциплине, которая существовала в советских лагерях. Наиболее легко поддавались перевоспитанию пленные в возрасте до 30 лет. Практически все они были убеждены в том, что их жизненные условия в лагерях и скорейший отъезд на родину в конечном счете зависят от их идеологических убеждений» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 466. Л. 90, 91).

Таким образом, сталинская модель «воспитания в духе коммунизма» стала обязательной не только для нескольких поколений советских людей, но и для тысяч японских военнопленных. Расслоение японцев на «коммунистов» и «оппортунистов» приводило к стычкам, перераставшим в настоящие бои с десятками человеческих жертв. При отправке военнопленных из Находки периодически вспыхивали самосуды, провоцируемые членами противоположных по убеждению группировок.

Так, репатриант Мацуита, прибыв в Японию, заявил, что инциденты в Находке учинялись преимущественно «коммунистами», которые заявляли: кто против них, тот реакционер и на родину не поедет. Мацуита сам был зачислен в реакционеры из-за нежелания изучать научный коммунизм и уехал в Японию только со второй попытки. В первый раз он был выброшен с борта парохода уже во время посадки и отправлен обратно в лагерь (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 1. Л. 106).

Другой свидетель, Хасакова, содержащийся перед отъездом в находкинский лагерь, заявил, что по инициативе действовавшей в лагере демократической группы 200 японцев уже в порту были лишены возможности вернуться на родину. Здесь их неожиданно обвинили в недостаточно активном изучении «Краткого курса истории ВКП (б)», вернули в лагерь и постави-

ли на самые тяжелые работы (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 1. Л. 106).

В воспоминаниях одного из репатриантов есть рассказ о митинге на корабле, доставлявшем бывших военнопленных в Японию. «В центральной каюте собрался почти весь отряд. Выступавшие возбужденно говорили: «... мы простим русским жестокость. Японцы подняли оружие против них. Но! Как относиться к землякам, чья совесть запятнана предательством. Они не только жирели, когда их соотечественники пухли от голода, но и пытались забить наши головы коммунистическим мусором! Двое из них среди нас. Как поступим с изменниками? – За борт, в воду», – кипела от возмущения толпа.

По прибытии репатриантов в Японию наблюдалось расслоение их на «левых» и «правых» по материальному положению. В начале 1950 г. газета «Дзи-Дзи-Симпо» сообщала, что среди высадившихся с репатриационного судна «Такасага Мару» 1889 бывших военнопленных (с их же слов) принадлежат к группировке левого крыла, а 304 японца – к правой патриотической группе «Восходящее солнце» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 451. Л. 86).

Газета отмечала, что пленные, входившие в левое (прокоммунистическое крыло), были добротно одеты, снабжены рюкзаками, в которых находились зимние пальто, новая одежда, по две сорочки, полотенца, носки, наволочки и обувь. У некоторых левых в рюкзаках были хорошие дамские туфли в качестве подарка семьям.

Совершенно другую картину представляли собой пленные, входившие в состав группы «Восходящее солнце». Они были бедно одеты, в их рюкзаках оказалось мало или вообще не было никаких вещей за исключением одной ложки и разбитой чашки (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 451. Л. 86).

По сообщению газеты «Йомиури Симбун» свыше 80% японцев, прибывших по репатриации на родину, периодически устраивали паломничество в штаб Коммунистической партии Японии с требованием «записать их в коммунисты». Так, с мая по декабрь 1945 г. в ряды КПА вступило 6 тыс. японцев, репатрированных из СССР (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 451. Л. 86).

Поскольку возвращение бывших военнослужащих Квантунской армии из плена являлось долгожданным и радостным событием для всей общественности Японии, то подготовка к их приезду, встреча и размещение бывших военнопленных тщательно планировалось и про-

водилось на основе специальной программы, разработанной главнокомандующим союзными оккупационными войсками Д. Макартуром.

19 августа 1949 г. перед массовым прибытием репатриантов на родину во всех японских газетах был опубликован правительственный указ, называемый «План борьбы с беспорядками, устраиваемыми репатриантами, возвращающимися из Советского Союза». Появление такого указа было небезосновательным: большинство прибывших из СССР пытались устраивать «демократические» митинги и демонстрации, уличные драки, выкрикивали «коммунистические» лозунги. Многие из них, демонстративно не замечая встречавших их родственников, спешили в штаб Коммунистической партии Японии. Делалось это, как отмечали очевидцы, «в состоянии необыкновенной поспешности и даже страха» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 4. Д. 451. Л. 86). Корреспондент агентства «Киодо Ньюс» назвал такое поведение военнопленных «пошечной по лицу встречавших» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 461. Л. 82).

Указ от 19 августа 1949 г. предусматривал обеспечение порядка на улицах японских городов во время возвращения больших партий военнопленных. «Репатрианты должны вести себя мирно до тех пор, пока не приедут домой; политическим партиям Японии запрещается оказывать давление на репатриантов», – гласили строки указа (ГАХК. Ф. 35. Оп. 23. Д. 26А. Л. 367).

Кроме того, указ предусматривал немедленное трудоустройство прибывших по месту жительства бывших военнопленных, материальную помощь их семьям. Когда большие партии репатриантов стали прибывать на японскую землю, все газеты Страны восходящего солнца наперебой писали о своих встречах с бывшими военнопленными. Но, как нам кажется, наиболее ярко настроения прибывших из России передает заметка, опубликованная в газете «Акахата», органе Коммунистической партии Японии: «Сегодня, 29 августа 1949 года, 258 репатриантов пришли в штаб Компартии и все вступили в ее ряды. Когда поезд с репатриантами прибыл на вокзал Уэно, то платформу заполнил цвет хаки. Через платформу перекачивается волна красных флагов и слышны революционные лозунги. Репатрианты спешат скорее стать коммунистами.

Пытаясь помешать этому, члены реакционного союза студентов Японии кричат: «Желающие пойти в баню – стройся!» Однако, быстро покушав, репатрианты строятся для того, чтобы пойти в штаб Компартии.

«От тех, кто пойдет в штаб Компартии, вещи на хранение приниматься не будут, – кричат студенты. – Для вас приготовлена баня. Красивые девушки будут танцевать для вас. Если вы пойдете в штаб Компартии, то опоздаете. Однако вопреки всему репатрианты идут в штаб Компартии» (ГАХК. Ф. 35. Оп. 23. Д. 26А. Л. 368).

Вместе с тем 400 японцев, вернувшихся из России, обратились в специальный совет по делам репатриированных с обвинениями генерального секретаря Коммунистической партии Японии Кюицу Токуда в поощрении насильственной коммунистической обработки соотечественников в советском плену и преднамеренной задержке их возвращения на родину.

Репатриантами были предоставлены непроверяемые документы – письма, почтовые открытки, адресованные военнопленным, в которых генеральный секретарь КПЯ К. Токуда просил соотечественников проявить благоразумие и вернуться на родину настоящими революционерами, политически подкованными борцами за коммунистический порядок. Известно стало в Японии и обращение Токуда к советскому правительству с просьбой не репатриировать на родину «реакционных» военнопленных.

Учитывая особую болезненность и сложность проблемы военнопленных для японского народа, расследование деятельности КПЯ и лично К. Токуда в деле задержания репатриации было поручено специально созданной для этого независимой комиссии. После длительного изучения всех имевшихся у комиссии документов и опроса нескольких сотен свидетелей, комиссия пришла к заключению, что генеральный секретарь КПЯ К. Токуда действительно просил советское правительство не репатриировать «реакционных» военнопленных в Японию, что доказывало, таким образом, его виновность в задержке программы репатриации.

Комиссия сообщила, что содержание почтовой открытки, которую Токуда, как он сам признался, все же посылал Сталину, могло быть понято однозначно: «Не отправляйте обратно реакционеров» (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 481. Л. 39). Исходя из вышеизложенного, комиссия порекомендовала японскому правительству применить в отношении Токуда и в целом Коммунистической партии Японии строгие меры, принимая во внимание серьезный нравственный ущерб, нанесенный КПЯ японскому народу. В заявлении комиссии были выдвинуты следующие обвинения:

1. Японские коммунисты тайно поддерживали связи с Советским Союзом;
2. Токуда в действительности предлагал русским репатриировать обратно только коммунистов.

Было установлено, что КПЯ и лично К. Токуда несут ответственность за задержку репатриации. Члены комиссии проголосовали за судебное расследование деятельности КПЯ и немедленное возвращение всех японских военнопленных из России. В итоге 24 члена КПЯ, в том числе и сам К. Токуда, были отстранены от политической деятельности (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 481. Л. 39).

Вместе с тем многолетнее «обучение» военнопленных в советских лагерях потеряло на родине для японцев всякий смысл. «Наиболее эффективное средство в деле противостояния идеологии Сталина состоит в том, чтобы каждый репатриант получил работу и смог обеспечить свой прожиточный минимум, свою семью», – отмечалось на заседании специальной комиссии по делам репатриированных соотечественников (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 487. Л. 1).

Правительство Японии неоднократно рассматривало вопросы обеспечения бывших пленных работой. На одной из парламентских сессий был предоставлен специальный законопроект страхования бывших военнопленных против безработицы. В нем рассматривались вопросы первоочередного обеспечения работой японцев, вернувшихся из СССР. Парламент также постановил распространить в первую очередь на военнопленных различные правительственные льготы, в том числе различные суммы страхования от безработицы (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83).

Свыше 100 общественных и государственных организаций страны участвовали в трудоустройстве репатриантов и оказании материальной помощи их семьям. Так, в Майдзуру было создано специальное бюро по оказанию помощи репатрированным при их устройстве на работу. Министерством просвещения Японии был подготовлен проект, по которому репатриированные из России в первую очередь принимались на обучение различным рабочим специальностям в портах и на стройках японских городов.

Министерство земледелия и животноводства Японии постановило увеличить продовольственную норму риса репатриантам по сравнению с японцами, не бывшими в плену, на 100 г – с 500 до 600 г в день (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83). Кроме этого, вернувшимся

из Советского Союза, независимо от их политических убеждений, выплачивали ежемесячно 1800 иен, чего в те годы вполне хватало на обустройство предметами первой необходимости (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83).

Встречали репатриантов не только официальные власти Японии. Им стремились помочь некоторые общественные организации, например, Студенческая лига («Гакусэй домэй»), члены которой бесплатно работали при регистрационных бюро в портах. Они помогали вчерашним военнопленным пройти начальный период адаптации. В результате интенсивной работы правительства и общественных организаций Японии по созданию нормальных жизненных условий репатриантов через год после приезда в Японию только 10% бывших военнопленных сохранили сталинские убеждения. Вместе с тем число устроенных на работу бывших военнопленных за 1949-1950 гг. составило 55 300 чел, из 71 тыс. вернувшихся (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83) Причем 1 287 чел. устроились на свои прежние довоенные места (ГАХК. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 451. Л. 83)

Со временем бывшие репатрианты из СССР стали объединяться в общественные организации, в которых насчитывалось свыше 5051 чел. Формировались они по принципу «землячества» и объединяли людей либо служивших вместе, либо оказавшихся в одном лагере или одной местности.

Цели, которые преследовали бывшие военнопленные, объединенные в многочисленные ассоциации и общества, сводились в основном к следующему: уточнение правового статуса японских военнопленных в СССР; определение и возмещение ущерба, причиненного военнопленным, бывшим в советском плену, решение вопроса о заработной плате, полагающейся каждому военнопленному за его труд в лагерях.

Эти требования были вызваны также фактами довольно холодного приема со стороны многих иммиграционных чиновников. Недоверие к бывшим военнопленным со стороны властей выражалось в многочисленных проверках и допросах. В этом же направлении активно действовали оккупационные американские власти. Связано это и с тем фактом, что, прибыв в Японию, бывшие военнопленные явились проводниками чуждой идеологии. Иногда это ставило репатриантов в положение «неприкасаемых», которые вынуждены были уже на родине начать борьбу за свои права.

Признавая марксистско-ленинскую идеологию единственно верной, советские власти пытались навязать ее и японским военнопленным. Таким образом, японцы испытывали не только физические мучения плена – голод, холод, тяжелый физический труд, но и находились под жестким идеологическим прессингом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмина М.А. Плен: Японские военнопленные в Хабаровском крае. Комсомольск-на-Амуре, 1996.
2. Кузнецов С.И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1994.

REFERENCES

1. Kuz'mina, M.A., 1996. Plen: Yaponskie voennoplennyye v Khabarovskom krae [The captivity: Japanese prisoners of war in Khabarovskiy krai]. Komsomol'sk-na-Amure. (in Russ.)
2. Kuznetsov, S.I., 1994. Problema voennoplennykh v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh posle Vtoroy mirovoy voyny [The problem of the prisoners of war in Russian-Japanese relations after World War II]. Irkutsk: Irkut. gos. un-t. (in Russ.)